ФЕВРАЛЬ. 1913.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изъ прошлыхъ лѣтъ.

(Воспоминанія о Н. Ѳ. Анненскомъ).

(Окончаніе).

Въ 1880 г. Николай содержался не въ тюрьмѣ, а въ части, и содержался на весьма льготныхъ условіяхъ. Ему позволяли имѣть собственную пищу, книги, письменныя принадлежности. Съ первыхъ же дней было объявлено, что онъ высылается изъ Петербурга, и, подъ предлогомъ прощанья, на свиданіе съ нимъ пускали не только родныхъ, но даже знакомыхъ. Свиданія происходили два раза въ недѣлю въ пріемной при приставѣ, и, такъ какъ насъ обыкновенно собиралось человѣкъ 5—6, то всегда находился великодушный посѣтитель, который бралъ на себя занимать и угощать хорошими сигарами этого пристава, а остальные могли разговаривать совершенно свободно. Знакомыя дамы приносили мужу конфекты и цвѣты, и онъ увѣрялъ, что никогда еще не „страдалъ" такъ весело. 25 марта я, какъ всякій четвергъ, пришла на свиданіе, но мнѣ объявили, что мужа нѣтъ въ части, что онъ отправленъ еще накапунѣ.

— Куда?

— Не знаю, кажется, въ Тверь.

Мнѣ было, конечно, очень горько, что не удалось проститься съ нимъ, но слово „Тверь" обрадовало меня. Если его отправили въ Тверь, разсуждала я, значитъ, вышлютъ въ Тверскую губ. Это такъ близко, почти и не высылка! Въ тотъ же вечеръ я получила отъ мужа записочку, написанную второпяхъ передъ самымъ отъѣздомъ: онъ тоже говорилъ, что уѣзжаетъ въ Тверь. Я быстро собралась, взяла съ собой свою маленькую племянницу и отправилась въ Тверь. Тамъ въ канцеляріи меня ждало горькое разочарованіе: оказалось, что Николай, дѣйствительно, въ Тверской губ., но не на свободѣ, какъ административно-сосланный, а въ Вышневолоцкой пересыльной тюрьмѣ, какъ арестантъ, ожидающій дальнѣйшаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ. Пришлось хлопотать у губернатора о разрѣшеніи на житье въ Волочкѣ (причемъ я

должна была дать подписку, что безъ его вѣдома не отлучусь никуда изъ города) и на свиданія съ мужемъ. Губернаторъ оказался человѣкомъ добродушнымъ и обѣщалъ мнѣ немедленно отправить соотвѣтствующія бумаги въ тюрьму и въ полицейское управленіе В. Волочка. Положившись на это обѣщаніе, я на слѣдующее утро уѣхала изъ Твери.

В. Волочекъ оказался довольно порядочнымъ уѣзднымъ городомъ; лѣтомъ его украшала масса зелени въ садикахъ при домахъ и на бульварахъ, но теперь, въ концѣ марта, деревья и кусты еще стояли съ голыми сучьями, а плохо мощеныя улицы были покрыты толстымъ слоемъ грязи и большими лужами воды. Я остановилась въ гостинницѣ, разузнала, гдѣ помѣщается пересыльная тюрьма, и на слѣдующій день отправилась туда со своей дѣвочкой. Получить свиданіе я еще не разсчитывала, но мнѣ хотѣлось хоть снаружи посмотрѣть то помѣщеніе, гдѣ находился Николай, и у кого-нибудь узнать, здоровъ ли онъ. Тюрьма помѣщалась за городомъ, на берегу рѣки Мсты.

Тихо тащились мы на извозчикѣ по грязной, избитой дорогѣ. Вдругъ вижу, на встрѣчу намъ по направленію къ городу идутъ двѣ женщины, одна пожилая, другая совсѣмъ молоденькая.

— А вѣдь это, навѣрно, Анненская! — замѣтила первая изъ нихъ, поровнявшись съ нами. Я остановила извозчика и подошла къ говорившей. Оказалось, что это Евелина Осиповна Короленко, сынъ которой содержался тоже въ пересыльной тюрьмѣ и которая возвращались въ городъ послѣ свиданія съ нимъ. Она разсказала мнѣ, что ея сынъ познакомился съ моимъ мужемъ, что мужъ здоровъ, веселъ и ждетъ меня, такъ какъ изъ Твери уже пришла бумага, разрѣшающая мнѣ свиданіе. Узнавъ, что я пріѣхала съ ребенкомъ и остановилась въ гостинницѣ, она обѣщала помочь мнѣ найти меблированную комнату, что будетъ и дешевле, и удобнѣе, дала мнѣ свой адресъ и взяла съ меня обѣщаніе, что прямо изъ тюрьмы я пріѣду къ ней. Такъ, стоя среди дороги по щиколку въ грязи, познакомилась я съ матерью В. Г. Короленко, сразу внушившей мнѣ глубокую симпатію.

Начальникъ тюрьмы, И. П. Лаптевъ, къ которому я обратилась съ просьбой дать мнѣ свиданіе, оказался длиннымъ, нескладнымъ, какимъ-то горилло-подобнымъ человѣкомъ. Онъ принялъ меня сухо, замѣтилъ, что дѣтей не слѣдуетъ водить по тюрьмамъ, но свиданіе далъ немедленно, предупредивъ только, что оно должно происходить въ его присутствіи и не можетъ продолжаться болѣе часа.

Комната для свиданій была свѣтлая, чистая; двѣ невысокія перегородки, помѣщавшіяся на аршинъ разстоянія одна отъ другой, раздѣляли ее на двѣ части. Около одной изъ этихъ перегородокъ сѣла я съ дѣвочкой, къ другой черезъ нѣсколько минутъ подошелъ мужъ. Кромѣ насъ и Лаптева, помѣстившагося въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ насъ у окна, въ комнатѣ никого не было. Я нашла, что мужъ похудѣлъ и нервничалъ, но онъ былъ веселъ, разсказывалъ, что въ тюрьмѣ сидятъ только политическіе, ожидающіе отправленія въ разныя далекія страны, что они цѣлый день могутъ проводить вмѣстѣ и что ихъ только на ночь запираютъ въ камеры. У меня тоже былъ для него запасъ разныхъ петербургскихъ новостей, онъ шутилъ и смѣялся съ дѣвочкой, время летѣло незамѣтно.

— Долженъ предупредить васъ, что до конца часа осталось только 10 минутъ,—заявилъ начальникъ тюрьмы, подходя къ намъ.

Нечего было дѣлать! Я просидѣла еще минутъ 6—7 и затѣмъ стала одѣвать дѣвочку и прощаться.

— Что же это? уже соскучились съ мужемъ? Уходите?—раздался надъ моимъ ухомъ голосъ Лаптева.

— Да вѣдь, вы сказали, что часъ прошелъ...—съ недоумѣніемъ отвѣчала я.

— Часъ-то прошелъ, но развѣ я вамъ сказалъ, что свиданіе кончено? — поучительнымъ тономъ замѣтилъ онъ.—Вотъ, когда я скажу „уходите", тогда и прощайтесь!

Я была смущена, но Николай, очевидно, уже привыкъ къ странностямъ начальника тюрьмы и отнесся къ его выходкѣ, какъ къ милой шуткѣ. Мы просидѣли вмѣстѣ еще болѣе получаса и распрощались съ тѣмъ, чтобы увидѣться черезъ три дня: свиданія давались два раза въ недѣлю.

Когда я разсказала Евелинѣ Осиповнѣ о милой шуткѣ начальника тюрьмы, она сказала мнѣ, что и съ ней онъ при первомъ свиданіи продѣлалъ ту же штуку, что вообще, не смотря на свою суровую внѣшность, онъ человѣкъ добродушный и не дѣлаетъ заключеннымъ никакихъ лишнихъ непріятностей, хотя строго соблюдаетъ всѣ установленныя для нихъ правила.

Благодаря Евелинѣ Осиповнѣ, моя жизнь въ Волочкѣ устроилась весьма сносно въ матеріальномъ отношеніи и очень хорошо въ психическомъ. За послѣдніе годы мнѣ приходилось встрѣчаться съ очень многими матерями сосланныхъ или арестованныхъ молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, и я мысленно подраздѣляла этихъ матерей на двѣ категоріи: однѣ приходили въ ужасъ и отчаяніе отъ участи, постигшей ихъ дѣтей, и своимъ горемъ усугубляли непріятность ихъ положенія, другія были увѣрены и увѣряли всѣхъ и каждаго, что ихъ дѣти совершенно чисты и невинны, что они гибнутъ вслѣдствіе коварства какихъ-нибудь пріятелей. (Моя мать принадлежала къ первой категоріи, мать Николая—ко второй). Евелина Осиповна была далека и отъ того, и отъ другого. Она вполнѣ понимала и оправдывала тѣ увлеченія молодежи, которыя навлекали на нее административныя преслѣдованія, и въ то же время бодро глядѣла въ будущее; не съ легкомысліемъ молодости, а съ мужествомъ зрѣлаго человѣка готовилась

она раздѣлитъ со своими дѣтьми постигшую ихъ судьбу. Кромѣ сына Владиміра, сидѣвшаго въ пересыльной тюрьмѣ В. Волочка въ ожиданіи отправки въ Сибирь, у нея былъ еще сынъ, сосланный въ одну изъ сѣверныхъ губерній, и зять Н. А. Лошкаревъ, сосланный въ Красноярскъ—мужъ той молодой особы, которую я встрѣтила съ ней вмѣстѣ и которую приняла чуть ли не за дѣвочку-подростка. Унывать, падать духомъ при ней казалось мнѣ прямо позорнымъ. Я невольно сбросила то подавленное настроеніе, которое вывезла изъ Петербурга, и, еслибы посторонній человѣкъ, знавшій, почему мы живемъ въ Волочкѣ, слышалъ наши спокойные, подчасъ веселые разговоры, онъ, навѣрно, принялъ бы насъ за совершенно безчувственныхъ.

Главная забота наша состояла въ томъ, чтобы по возможности улучшить положеніе нашихъ дорогихъ арестантовъ. На свиданіяхъ они всегда были веселы, разсказывали намъ разные анекдоты изъ своей тюремной жизни, никогда ни на что не жаловались, но по тому, какъ они оба поблѣднѣли, и по нѣкоторымъ, вырывавшимся у нихъ словамъ, мы понимали, что они очень плохо питаются. Дѣло въ томъ, что всѣ содержавшіеся въ тюрьмѣ (ихъ было около 40 человѣкъ) составили коммуну и рѣшили имѣть общую, для всѣхъ одинаковую пищу. Отъ казны имъ отпускали на продовольствіе 13 к. для привилегированныхъ и, кажется, 8 для непривилегированныхъ. Къ 1-ой категоріи принадлежали человѣка 4—5, всѣ остальные были непривилегированные и на 8 коп. могли только что не умереть съ голода. Людямъ со средствами не дозволялось вносить денегъ на улучшеніе пищи, такъ какъ это нарушило бы принципъ равенства, да кромѣ того всѣмъ предстояло длинное путешествіе и жизнь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ на заработокъ трудно было разсчитывать, поэтому рѣшено было всѣ получаемыя деньги сохранять и при отъѣздѣ подѣлить между членами коммуны. Тюремныя правила запрещали приносить что-нибудь съѣстное заключеннымъ, и мы, чтобы хоть немножко подкармливать ихъ, выдумали такую хитрость. Всякій разъ передъ свиданьемъ мы приготовляли нѣсколько бутербродовъ съ большими кусками какого-нибудь мяса; на свиданьѣ я давала племянницѣ бутербродикъ, говоря начальнику, что ребенокъ не можетъ долго оставаться безъ пищи, и просила его позволить ей угостить дядю. Онъ соглашался. Я переправляла ее черезъ рѣшетку, она подходила къ арестованнымъ и подносила имъ бутерброды. Видъ граціозной, маленькой дѣвочки, которая дѣлится своимъ завтракомъ съ арестантами, вѣроятно, трогалъ сердце начальника тюрьмы, такъ что онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на величину и количество бутербродовъ, очевидно, не предназначавшихся для пищи одного ребенка.

Кромѣ мужа и Короленко, еще только одинъ изъ заключенныхъ имѣлъ свиданіе съ родственницами. Это былъ Андріевскій, бывшій

инспекторъ одной изъ кіевскихъ гимназій, кажется, по недоразумѣнію попавшій въ вышневолоцкую тюрьму. У него случались частыя пререканія съ начальникомъ тюрьмы изъ-за разныхъ мелочей. Лаптевъ не соглашался ни на волосъ отступить отъ тюремныхъ правилъ, Андріевскій точно также упрямо отстаивалъ свои права. Такъ, напр., арестантамъ позволялось носить свое бѣлье, но не цвѣтное. У Андріевскаго оказались рубашки съ малорусскимъ шитьемъ. Нашъ горилла скорѣй согласился бы пустить арестованнаго голымъ, чѣмъ позволить ему надѣть такую рубашку. По всякому пустяшному поводу Андріевскій писалъ съ обстоятельностью и краснорѣчіемъ учителя словесности прошеніе за прошеніемъ губернатору, министру, кажется, самому Лорисъ-Меликову, пока вопросъ не разрѣшался въ его пользу. Другимъ арестованнымъ тоже приходилось нерѣдко терпѣть отъ излишняго формализма начальника тюрьмы. Но какъ мужъ, такъ и Короленко смотрѣли на него болѣе съ комической стороны.

— Вотъ, Ипполитъ Павловичъ,—сказалъ ему какъ-то мужъ— вы говорите, что въ тюрьмѣ запрещены всякія металлическія и стеклянныя вещи, а что вы станете дѣлать, если вамъ привезутъ человѣка, у котораго вставной стеклянный глазъ и золотая пломба въ зубахъ?

Лаптевъ былъ, видимо, поставленъ въ тупикъ.

— Я спрошу у начальства,—отвѣчалъ онъ послѣ минуты раздумья.

Этотъ остроумный человѣкъ являлся и цензоромъ книгъ, которыя разрѣшалось заключеннымъ читать. Онъ браковалъ очень многія изъ нихъ по какимъ-то ему одному вѣдомымъ соображеніямъ, но, увидя однажды у одного изъ заключенныхъ „Капиталъ“ Маркса, очень обрадовался.

— Полезная книга!—внушительно замѣтилъ онъ — она учитъ, какъ нажить себѣ состояніе. Я самъ пользовался ею, когда былъ пріемщикомъ!

Подходила Пасха. Намъ непремѣнно хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подкормить нашихъ арестантовъ, но, когда мы заикнулись начальнику тюрьмы, что принесемъ имъ пасху и яицъ, онъ остановилъ насъ на первомъ словѣ: ничего съѣстного посѣтители не могутъ приносить въ тюрьму.

— А если губернаторъ разрѣшитъ? Мы напишемъ ему прошеніе.

— Это другое дѣло, противъ губернатора я не пойду.

Мы немедленно отправили въ Тверь прошеніе и съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта. Къ счастью, онъ пришелъ во-время и въ Страстную субботу мы повезли въ тюрьму большой окорокъ, нѣсколько куличей, пасху и сотню крашеныхъ яицъ. Лаптевъ принялъ отъ насъ все, кромѣ окорока.

— О немъ ничего не говорится въ бумагѣ Его Превосходительства,—объяснилъ онъ намъ.

— Какъ? Что это значитъ?

Оказалось, что перечисляя въ прошеніи тѣ яства, которыя „по обычаю православныхъ христіанъ вкушаются въ день пасхи", мы написали: „пасху, куличъ, яйца и проч.", а начальникъ тюрьмы подъ этимъ „проч." рѣшительно отказывался понимать окорокъ. Между тѣмъ для насъ особенно важно было передать въ тюрьму именно окорокъ, чтобы хоть на нѣсколько дней снабдить заключенныхъ мясною пищею. Мы стояли раздосадованныя и опечаленныя. Но наше горе тронуло добродушнаго Лаптева и онъ придумалъ такую хитроумную комбинацію, при которой и волки были бы сыты, и овцы цѣлы.

— Внесите въ канцелярію деньги на имя вашихъ родственниковъ,—посовѣтовалъ онъ намъ—и пусть они на эти деньги выпишутъ себѣ окорокъ. Я пошлю сторожа купить его и прикажу ему купить у васъ.

Мы, конечно, съ удовольствіемъ согласились и повезли назадъ въ городъ тяжелую корзину съ тѣмъ, чтобы вечеромъ снова отправить ее въ тюрьму; формальное правило было соблюдено и наше желаніе покормить арестованныхъ исполнилось.

Большая часть содержащихся въ вышневолоцкой тюрьмѣ предназначалась къ отправленію въ Восточную Сибирь. Они должны были доѣхать по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, оттуда въ арестантской баржѣ до Перми, отъ Перми до Екатеринбурга опять по желѣзной дорогѣ и затѣмъ частью на тройкахъ, частью пѣшкомъ слѣдовать до мѣста назначенія. Мужу предстоялъ такой же путь. Но, пока я жила въ Волочкѣ, родные выхлопотали, чтобы Восточная Сибирь была для него замѣнена Западной. Когда я разсказала объ этомъ Николаю, онъ остался очень недоволенъ. Ему хотѣлось продѣлать полностью весь этапный путь и собственнымъ опытомъ узнать всѣ его прелести. Я, конечно, не раздѣляла его чувствъ; меня безпокоилъ и тотъ путь, который ему предстоялъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда ихъ всѣхъ одѣли въ арестантское платье; они отнеслись къ этому совершенно спокойно, но мы, родственницы, не могли смотрѣть равнодушно на ихъ сѣрыя куртки и отъ души порадовались, когда изъ Петербурга пришла отмѣна этого распоряженія и имъ возвращена была собственная одежда. Съ собой имъ позволили взять очень мало вещей и, главное, очень мало денегъ. 9 мая мы пришли на вокзалъ проводить ихъ. Нѣсколько человѣкъ, между прочимъ Короленко и Андріевскій, оставлены были въ Вышнемъ Волочкѣ. Бодро усаживались остальные въ арестантскіе вагоны, сопровождаемые конвойными солдатами и жандармами. Когда поѣздъ тронулся, они затянули стройнымъ хоромъ какую-то прощальную пѣсню.

Я поспѣшила въ Петербургъ, чтобы устроить тамъ свои дѣла и

поскорѣй слѣдовать за мужемъ. Къ этому времени мы уже настолько „обуржуазились“, что мнѣ удалось выручить за меблировку нашей квартиры нѣсколько сотъ рублей. Литературный Фондъ далъ мнѣ ссуду въ 300 р., да я продала одному издателю маленькій томикъ своихъ разсказовъ для дѣтей. Такимъ образомъ, куда бы ни забросила насъ судьба, мы были, по крайней мѣрѣ, на первое время обезпечены въ матеріальномъ отношеніи.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга случился небольшой инцидентъ, о которомъ я до сихъ поръ не могу равнодушно вспомнить. Ко мнѣ пришелъ какой-то незнакомый господинъ и подалъ мнѣ пакетъ съ 150 р., прося передать его Николаю Ѳедоровичу. Я заговорила было о томъ, что Николай Ѳедоровичъ не нуждается, но незнакомецъ объяснилъ мнѣ, что эти деньги собрали между собой студенты университета и что они просятъ Николая Ѳедоровича принять ихъ, какъ знакъ ихъ сочувствія и уваженія. Отказываться было немыслимо: еслибы эти деньги не понадобились лично намъ, то вѣдь я ѣхала въ такую страну, гдѣ онѣ могли многимъ пригодиться.

Разныя дѣла и хлопоты задержали меня недѣли на двѣ въ Петербургѣ и, когда я пріѣхала въ Екатеринбургъ, мой родственникъ (А. Криль, мужъ моей покойной сестры), служившій на Пермско-Екатеринбургской желѣзной дорогѣ, сообщилъ мнѣ, что видѣлъ на вокзалѣ Николая дней 10—12 тому назадъ. Разговаривать съ нимъ нельзя было, такъ какъ онъ шелъ подъ сильнымъ конвоемъ вмѣстѣ съ другими арестантами, но видъ у него былъ здоровый и бодрый. Съ вокзала ихъ вели въ тюрьму и затѣмъ они должны были отправиться на телѣгахъ въ Тюмень, гдѣ они будутъ ждать дальнѣйшаго назначенія.

Я, конечно, не замѣшкалась въ Екатеринбургѣ, наняла тарантасъ и поѣхала на почтовыхъ въ Тюмень. Дорога была очень хорошая, но сильно торопиться мнѣ не приходилось. Отъ длиннаго путешествія моя дѣвочка очень утомилась и я должна была всякую ночь останавливаться на станціяхъ, чтобы давать ей хорошенько выспаться. На четвертый день къ вечеру мы подъѣзжали къ Тюмени. Передъ въѣздомъ въ городъ наше вниманіе обратилъ на себя большой каменный домъ, стоявшій уединенно на открытомъ мѣстѣ. Подъѣхавъ ближе, мы замѣтили, что окна дома загорожены желѣзными рѣшетками, а изъ-за рѣшетокъ 3-го этажа виднѣются головы людей, выглядывающихъ на дорогу.

— Дядя! Я вижу дядю!—закричала дѣвочка.

Была ли это дѣтская фантазія или она въ самомъ дѣлѣ узнала Николая въ числѣ лицъ, толпившихся у оконъ, — не знаю. У меня сжалось сердце при видѣ этихъ людей, тѣснившихся къ рѣшеткамъ своей клѣтки, и я никого не могла разсмотрѣть въ отдѣльности. Во всякомъ случаѣ, я узнала, гдѣ находится тюменская тюрьма и гдѣ я могу получить свиданіе съ мужемъ. Разрѣшеніе на это сви-

даніе я должна была выхлопотать въ тюменской экспедиціи о ссыльныхъ. Живя постоянно въ Петербургѣ, я не могла себѣ представить, что въ Россіи существуютъ еще такія грязныя присутственныя мѣста, такіе типы чисто гоголевскихъ чиновниковъ, какихъ я встрѣтила въ этой экспедиціи. Впрочемъ, разрѣшеніе на свиданіе мнѣ дали безъ большой задержки и дня черезъ три по пріѣздѣ въ Тюмень мы съ племянницей отправились въ домъ съ желѣзными рѣшетками. Въ тюменской пересыльной тюрьмѣ должны были останавливаться всѣ арестанты, слѣдующіе въ Сибирь, начиная съ каторжанъ и до административно-высылаемыхъ. Политическихъ было сравнительно немного, главный контингентъ составляли уголовные. Когда мы вошли на большой тюремный дворъ, меня поразилъ видъ людей въ сѣрыхъ арестантскихъ курткахъ, съ бритыми головами и съ кандалами на ногахъ. Я съ тревогой посмотрѣла на дѣвочку, но она была еще настолько мала, что не сознавала ужаса представившейся намъ картины и съ дѣтскимъ любопытствомъ поглядывала на колодниковъ,

Свиданіе намъ дали въ канцеляріи, большой, грязной комнатѣ, гдѣ сидѣлъ помощникъ смотрителя и нѣсколько писцовъ. Мужъ, помоему, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, но былъ, какъ всегда, веселъ и оживленъ. Онъ расспрашивалъ насъ о нашемъ путешествіи и самъ съ восторгомъ говорилъ о Волгѣ, которую видѣлъ первый разъ въ жизни. Слушая его, никто не подумалъ бы, что онъ любовался живописными берегами и наслаждался пѣніемъ соловьевъ изъ-за рѣшетки арестантской баржи. О своей жизни въ Тюмени онъ говорилъ съ добродушнымъ юморомъ, хотя не трудно было догадаться, что условія этой жизни ужасны.

Политическіе, человѣкъ 25 — 30, помѣщались въ одной камерѣ, изъ которой ихъ выпускали только на небольшую прогулку по двору. Погода, какъ нарочно, стояла необыкновенно жаркая, камера была душная—всѣ окна ея выходили на солнопекъ,—грязная и кишѣла всевозможными паразитами. Противъ этого послѣдняго зла они не имѣли средствъ бороться.—Пустяки,—увѣрялъ мужъ—неужели человѣкъ, царь природы, можетъ поддаться какой-нибудь блохѣ и не спать изъ-за того, что она кусается!—Отъ жары они отчасти спасались тѣмъ, что сидѣли у себя въ камерѣ безъ платья, выливали на себя время отъ времени ковши холодной воды и оставались въ мокромъ бѣльѣ. Запертые въ одной комнатѣ, безъ всякаго дѣла, безъ книг, безъ возможности хоть на время уединиться отъ случайно навязанныхъ товарищей, они нервничали, раздражались, многіе поднимали ссоры изъ-за сущихъ пустяковъ. Даже такой добродушный человѣкъ, какъ Николай, говорилъ:

— Они всѣ, можетъ быть, и очень хорошіе люди, но, если придется еще долго жить такъ, какъ теперь, я, кажется, всѣхъ ихъ возненавижу!

Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединилась еще одна и

не малая—голодъ. Денегъ на дорогу всѣмъ позволили взять съ собой очень мало, и то немногое, что у нихъ осталось, они въ Тюмени отдали товарищамъ, уже отправленнымъ въ Восточную Сибирь. Сами они принуждены были все время довольствоваться весьма скуднымъ казеннымъ пайкомъ.

— Ты, конечно, привезла съ собой денегъ? — спрашивалъ у меня мужъ на первомъ же свиданіи, — вся камера ждетъ тебя! Мы завтра же у бабъ купимъ шанегъ и печенки. Закутимъ!

Мы знали, что Николай назначенъ въ Западную Сибирь, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, когда и куда именно его отправятъ. Не знало этого и тюремное начальство и даже экспедиція. Назначеніе мѣста ссылки зависѣло исключительно отъ губернатора, время отправки въ значительной степени отъ случайныхъ причинъ. Каждаго высылаемаго отправляли на телѣгѣ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. А такъ какъ въ распоряженіи экспедиціи было немного жандармовъ, притомъ же они легко могли по той или другой причинѣ замѣшкаться въ дорогѣ, то никто не могъ предвидѣть, когда до него дойдетъ очередь.

Спокойно шутливый тонъ, въ которомъ Николай говорилъ о своей жизни въ тюменской тюрьмѣ, не обманывалъ меня: я очень хорошо понимала, какъ тяжела эта жизнь. Кромѣ того, я боялась, что, пожалуй, и послѣ тюрьмы ему предстоятъ еще болѣе тяжелыя условія ссылки. Къ Тобольской губерніи причислялись такіе города, какъ Березовъ, Сургутъ, и я не могла безъ ужаса думать о томъ, что намъ придется жить въ одномъ изъ нихъ. Я рѣшила, ничего не говоря мужу, послать прошеніе губернатору. Я просила не за него, а сама за себя, объясняла, что у меня на рукахъ ребенокъ, который можетъ не вынести слишкомъ суроваго климата, что теперь, когда мужъ былъ вынужденъ оставить государственную службу, единственнымъ средствомъ существованія является для насъ наша литературная работа и что я потому убѣдительно прошу его разрѣшить мужу жить въ Тобольскѣ, откуда мы можемъ имѣть частыя почтовыя сношенія со столицами. Я съ волненіемъ ждала отвѣта. Онъ пришелъ дней черезъ десять. Губернаторъ отвѣчалъ отказомъ на мою просьбу, ссылаясь на то, что по закону административно-ссыльные не имѣютъ права жить въ губернскихъ городахъ, и въ то же время сообщалъ, что назначаетъ мѣстожительствомъ мужу городъ Тару. Тара! Съ этимъ именемъ у меня не соединялось ровно никакого представленія. Я посмотрѣла на карту. Слава Богу, городъ лежалъ не сѣвернѣе Тюмени. Хозяинъ, у котораго я нанимала комнату, почтенный тюменскій купецъ, отозвался о немъ съ большой похвалой.

— Тара хорошій городъ,—говорилъ онъ на мои вопросы—тамъ много богатаго купечества, отсюда каждую недѣлю бѣгаютъ туда пароходы, по моему онъ даже лучше Тобольска, потому Тобольскъ

стоитъ на низкомъ берегу, его часто водой заливаетъ, онъ сырой, нездоровый.

На свиданіи я сообщила всѣ эти свѣдѣнія мужу и стала усиленно хлопотать въ экспедиціи, чтобы его скорѣй отправили къ мѣсту назначенія. Я упрашивала, кромѣ того, чтобы его послали не на лошадяхъ, а на пароходѣ, и убѣждала чиновниковъ, что это будетъ и скорѣй, и дешевле. Много разъ пришлось мнѣ побывать въ правленіи экспедиціи, пока, наконецъ, уже въ первыхъ числахъ іюля, мнѣ объявили, что жандармы, которые должны сопровождать мужа, пріѣхали и на-дняхъ его отправятъ; мнѣ же посовѣтовали, не ожидая его, ѣхать на пароходѣ. Совѣтъ былъ недуренъ. Въ Тюмени я не могла ничего больше сдѣлать для мужа, ѣхать мнѣ съ ребенкомъ на лошадяхъ было и дорого, и утомительно, гораздо будетъ удобнѣе, если я пріѣду въ Тару прежде него и найму тамъ квартиру, гдѣ ему можно будетъ сразу по пріѣздѣ отдохнуть и отъ дороги, и отъ всѣхъ перенесенныхъ испытаній.

Пароходъ отходилъ изъ Тюмени разъ въ недѣлю, въ воскресенье вечеромъ. Утромъ я, по обыкновенію, пошла на свиданіе съ мужемъ, сообщила ему свой планъ, онъ вполнѣ его одобрилъ и мы распростились. Подъ вечеръ мы съ племянницей, забравъ весь свой багажъ, отправились на пароходъ, она съ веселымъ оживленіемъ ребенка, который во всякой перемѣнѣ предвидитъ что-нибудь лучшее, я съ тревожнымъ чувствомъ неизвѣстности.

Только что мы заняли мѣста въ общей дамской каютѣ и начали разбирать свои вещи, какъ мнѣ послышался знакомый голосъ... Я не вѣрила ушамъ своимъ, но голосъ приближался, становился явственнымъ. Я бросилась въ корридоръ. На встрѣчу мнѣ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ шелъ Николай, взволнованный, оживленный. Оказалось, что мои хлопоты въ экспедиціи не пропали даромъ и его-таки отправили не на лошадяхъ, а на пароходѣ.

Много пріятныхъ путешествій удалось мнѣ сдѣлать въ жизни, но я не могу не сознаться, что это путешествіе по однообразнымъ пустыннымъ рѣкамъ Сибири, на плохонькомъ Обскомъ пароходѣ, было самымъ пріятнымъ. Жандармы, сопровождавшіе мужа, оказались не просто добродушными, но и очень деликатными людьми. Они взяли съ мужа обѣщаніе, что при остановкахъ парохода онъ не будетъ пытаться сойти на берегъ и что на пароходѣ онъ не станетъ ни съ кѣмъ разговаривать, и послѣ этого совсѣмъ не давали ему чувствовать своего надзора. Когда мы были на палубѣ, они усаживались гдѣ-нибудь вдали отъ насъ, а, когда мы сидѣли въ каютѣ мужа (ему и его спутникамъ была отведена просторная каюта второго класса), ни одинъ изъ нихъ не входилъ туда. Если мы просили ихъ о какой-нибудь услугѣ, они всегда съ полною готовностью оказывали ее, если мы заговаривали съ ними, въ ихъ

тонѣ слышалось искреннее сочувствіе. Особенно дѣвочка интересовала ихъ и возбуждала ихъ добрыя чувства.

Дня черезъ четыре или пять мы, наконецъ, подъѣхали къ городу Тарѣ. Пароходъ останавливался версты за три отъ города. Жандармы помогли намъ достать наши вещи, наняли намъ извозчиковъ; на одного сѣли они съ мужемъ съ тѣмъ, чтобы представить его въ полицейское управленіе, на другомъ помѣстилась я съ дѣвочкой. До города пришлось ѣхать пустыремъ. Городъ со своими низенькими домиками и немощеными улицами показался намъ очень мизернымъ. Въ полицейскомъ управленіи мужа не задержали и онъ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда, наконецъ, совершенно свободнымъ человѣкомъ, безъ всякаго конвоя.

Уже вечерѣло. Мы были съ ребенкомъ и грудой багажа среди совершенно незнакомаго города, повидимому, маленькаго и бѣднаго. Я попросила извозчика отвезти насъ въ самую лучшую гостинницу, гдѣ мы могли бы переночевать, и черезъ нѣсколько минутъ онъ подвезъ насъ къ двухэтажному дому, изъ открытыхъ оконъ котораго лились на улицу звуки музыки, пѣсенъ, пьяныхъ голосовъ, топочущихъ ногъ. Я не рѣшилась войти туда и попросила вызвать къ намъ хозяина. Послѣ недолгихъ переговоровъ, узнавъ, что мы пріѣзжіе, что намъ надо отдохнуть съ дороги, онъ предложилъ намъ помѣститься въ маленькомъ флигелькѣ подлѣ большого дома, „только, конечно, это будетъ стоить подороже"— прибавилъ онъ.

Торговаться не приходилось и мы съ удовольствіемъ устроились въ двухъ чистенькихъ комнатахъ, куда звуки музыки почти не достигали.

На другой день, только что мы принялись за утренній чай съ горячими „прикусками", услужливо предложенными намъ хозяиномъ, какъ дверь нашей комнаты открылась и на порогѣ показалась молодая, красивая дѣвушка. Она была, видимо, сконфужена и, неловко поклонившись, отрекомендовалась, какъ административно сосланная, которая хотѣла познакомиться... Мы, конечно, очень обрадовались „своему" человѣку, но насъ удивило, какъ она такъ скоро узнала о нашемъ пріѣздѣ.

— О,—отвѣчала она—у насъ въ городѣ давно говорятъ, что къ намъ пріѣдетъ изъ Петербурга высланный статскій совѣтникъ, очень богатый, наши даже отговаривали меня идти къ вамъ, говорили, вы, можетъ быть, не захотите и знаться съ нами.

Мы стали подсмѣиваться надъ ея разочарованіемъ, когда она вмѣсто важнаго статскаго совѣтника встрѣтила такихъ вовсе не важныхъ людей; среди шутокъ исчезла застѣнчивость милой дѣвушки, она усѣлась съ нами за чай, съ обѣихъ сторонъ посыпались разспросы и разсказы. Она сообщила намъ, что въ настоящее время въ Тарѣ было мало политическихъ ссыльныхъ, большая партія ихъ была недавно переселена въ другіе города. Кромѣ нѣ-

скольких поляковъ 63 года, не знавшихся съ ссыльными новѣйшей формаціи, въ Тарѣ остался только одинъ рабочій съ женой, одинъ административно высланный русскій студентъ, двое поляковъ-соціалистовъ, да она, Анна Николаевна Комаровская, невѣста сосланнаго на каторгу Стеблинъ-Каменскаго, собирающаяся ѣхать къ своему жениху. Мы уговорились, что вечеромъ придемъ къ рабочему, который жилъ своимъ хозяйствомъ, и что Анна Николаевна приведетъ туда же молодыхъ людей, такъ что мы сразу познакомимся со всей компаніей ссыльныхъ.

Все такъ и сдѣлалось. Рабочій оказался человѣкомъ вялымъ, болѣзненнымъ, какъ будто пришибленнымъ, жена его была настоящая хорошая русская баба, добродушная, работящая, безъ всякой претензіи на интеллигентность, но съ большимъ запасомъ здраваго смысла, готовая всякому помочь и услужить, но не забывающая и собственныхъ интересовъ. Молодые люди показались намъ очень симпатичными, особенно поляки, и между нами сразу установились дружескія отношенія.

Съ помощью нашихъ новыхъ знакомыхъ мы скоро нашли себѣ очень приличную квартиру: три комнаты съ кое-какою мебелью, большая кухня, во дворѣ маленькая банька и довольно большое мѣсто для огорода, все—за четыре рубля въ мѣсяцъ. Они же познакомили насъ съ условіями жизни маленькаго городка, условіями, можно сказать, прямо противоположными тѣмъ, къ какимъ мы привыкли въ Петербургѣ.

Въ первый вечеръ, когда мы у себя на квартирѣ по общему обычаю закрыли ставни въ окнахъ и, уложивъ дѣвочку спать, остались вдвоемъ, насъ охватило такое чувство тишины и оторванности отъ міра, что намъ стало даже какъ-то жутко. Въ деревнѣ—ночная тишина прерывается хоть лаемъ собакъ и перекликаньемъ пѣтуховъ, здѣсь даже этого не было, полная, могильная тишина...

— Знаешь, что хорошо? — замѣтилъ Николай, всегда готовый находить во всемъ хорошую сторону—здѣсь мы можемъ спать спокойно, не ждать ночныхъ звонковъ!

Дѣйствительно, это было преимущество передъ Петербургомъ послѣднихъ годовъ, 78-го,—79-го.

Иногда намъ приходило въ голову погулять поздно вечеромъ. Въ полусвѣтѣ лѣтней ночи маленькіе домики съ наглухо запертыми ставнями и воротами крѣпко спали, на широкихъ улицахъ поросшихъ травой, не слышалось ничьихъ шаговъ, ничьихъ голосовъ; одна только бѣлая лошадь медленно прогуливалась взадъ и впередъ и было въ ней что то неестественное, фантастическое...

Это чувство затишья и оторванности отъ живого міра давало намъ себя чувствовать и днемъ; особенно болѣзненно отзывалось оно на мужѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ такою разнообразною, волнующею жизнью, принималъ близко къ сердцу всѣ политическія и общественныя событія, во многихъ дѣлахъ участвовалъ лично,

и быть вдругъ оторваннымъ отъ всего этого, осужденнымъ не только ничего не дѣлать, но даже не знать, что дѣлаютъ другіе,— это было несомнѣнно тяжело.

Почта приходила въ Тару разъ въ недѣлю, а письма и газеты шли изъ Петербурга 20—25 дней.

Я попробовала напомнить ему о его намѣреніи заняться въ ссылкѣ литературною работою.

— Нѣтъ, не могу, не пишется,—рѣшительно отвѣчалъ онъ—можетъ быть, послѣ,—и я не настаивала. Дѣйствительно, ему надобно было и отдохнуть отъ невзгодъ послѣднихъ мѣсяцевъ, и освоиться со своимъ положеніемъ.

Во всякомъ случаѣ онъ никогда не поддавался чувству унынія, считая его прямо ниже своего человѣческаго достоинства, и старался всѣми силами поддерживать бодрость не только въ себѣ, но и въ другихъ.

— Человѣкъ долженъ быть выше внѣшнихъ обстоятельствъ,— говорилъ онъ ссыльной молодежи, впадавшей иногда въ минорный тонъ,—мы не можемъ противостоять физической силѣ, но мы не должны давать ей нравственной побѣды надъ собой. Пусть она видитъ, что, не смотря ни на что, мы остаемся сами собой, это лучшая форма протеста.

Думаю, что его слова, а, главное, примѣръ не остались безъ вліянія. По крайней мѣрѣ, за все время, что мы прожили въ Тарѣ, всѣ члены маленькой ссыльной колоніи не только сохраняли бодрое расположеніе духа, но и старались держаться на извѣстномъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ.

Положеніе прочихъ ссыльныхъ было хуже нашего. Во первыхъ, мы жили семьей, это конечно, служитъ значительной поддержкой для человѣка, выброшеннаго изъ обычной обстановки въ какую-нибудь глушь; во вторыхъ, мы были матеріально обезпечены; при удивительной дешевизнѣ Тарской жизни привезенныхъ денегъ должно было хватить на нѣсколько мѣсяцевъ вполнѣ безбѣднаго существованія. Всѣ остальные, кромѣ рабочаго, были одиночки, безъ всякихъ средствъ. Найти въ Тарѣ какую-нибудь работу, не только интеллигентную, но даже самую простую, механическую было совершенно немыслимо, тѣмъ болѣе для ссыльныхъ, которымъ нѣкоторыя отрасли труда (даваніе уроковъ, медицинская практика, хожденіе по дѣламъ) были строго запрещены и которыхъ обыватели сторонились, чтобы не навлечь на себя неудовольствія начальства.

Имъ приходилось жить исключительно на казенное вспомоществованіе, весьма скудное и притомъ выдававшееся неаккуратно. Чтобы улучшить свое матеріальное положеніе, они задумали жить коммуной: Анна Николаевна взяла на себя роль хозяйки и въ то же время кухарки, а молодые люди помогали ей: кололи и приносили дрова, носили воду и вообще исполняли всѣ тяжелыя, грязныя работы, которыя были не подъ силу молодой дѣвушкѣ, воспитанной

совсѣмъ для другой жизни. Все это, конечно, далеко не заполняло всего времени молодыхъ, здоровыхъ людей. Съ нашимъ пріѣздомъ у нихъ хоть явился достаточный запасъ чтенія; мы получали журналы, газеты, я привезла съ собой нѣсколько хорошихъ русскихъ книгъ. Они стали усердно читать, а по вечерамъ обыкновенно или всѣ вмѣстѣ или по одиночкѣ приходили къ намъ и тутъ за чайнымъ столомъ у насъ велись безконечные то шутливые, то серьезные разговоры на всевозможныя темы. Поляки были еще совсѣмъ молодые люди, рабочіе, но получившіе нѣкоторое образованіе и по своему развитію не уступавшіе большинству нашихъ студентовъ первокурсниковъ. Они совсѣмъ хорошо говорили по русски съ еле замѣтнымъ польскимъ акцентомъ. Черезъ нѣсколько недѣль наша маленькая колонія увеличилась еще двумя, тремя русскими ссыльными. Мы были старше всѣхъ ихъ, и они относились къ намъ положительно точно младшіе родственники. Наша дѣвочка была единственнымъ ссыльнымъ ребенкомъ въ колоніи и скоро сдѣлалась общею любимицей. Всѣ, и мужчины, и женщины, ласкали ее, всѣ наперерывъ старались доставить ей какое-нибудь удовольствіе, а молодые поляки, которыхъ она, подражая намъ, называла „наши юноши", возились и играли съ ней, какъ товарищи.

Кромѣ ссыльныхъ, у насъ завелись знакомства и съ туземцами. Вообще начальство очень косо смотрѣло на обывателей, которые сближались съ „политическими", а учителямъ знакомство съ нами запрещалось. Относительно мужа вышло нѣкоторое осложненіе: въ числѣ жителей города у него оказалось двое товарищей по кадетскому корпусу и имъ было неудобно совсѣмъ не знаться съ нимъ. Одинъ былъ акцизный надзиратель, женатый на дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, оба люди весьма мало интересные; мы изрѣдка бывали у нихъ, они отплачивали намъ тѣмъ же, но никакой близости между нами не установилось. Другой былъ священникъ, интересный, и какъ личность, и по своей біографіи. Онъ учился въ кадетскомъ корпусѣ и шелъ однимъ классомъ ниже Николая. Животворящее вѣяніе конца 50-хъ годовъ задѣло и его. Онъ помнилъ того учителя русскаго языка, который первый забросилъ сѣмена любви къ наукѣ и литературѣ въ души юношей, выросшихъ подъ грубымъ режимомъ Николаевскаго времени, того учителя, благодаря которому и Николая потянуло бросить военную службу и направиться въ университетъ. Но о. Александръ не поддался вліянію этого учителя. Одновременно съ нимъ въ корпусѣ преподавалъ законоучитель, по всей вѣроятности, искренно религіозный человѣкъ, до фанатизма преданный своему дѣлу. Онъ сумѣлъ такъ овладѣть умами нѣкоторыхъ учениковъ, что они всей душой стали презирать все земное и мечтать о мученичествѣ во славу Бога и святой вѣры.

— Бывало, — разсказывалъ о. Александръ — найдетъ у меня

русскій учитель какую-нибудь книжку духовнаго содержанія и примется срамить меня передъ цѣлымъ классомъ, называетъ и олухомъ, и тупоголовымъ, и всякими обидными словами, а я про себя думаю: — Слава Богу, вотъ и начинается гоненіе за вѣру Христову, пусть бы еще наказалъ...

По окончаніи курса онъ и другой его товарищъ, сынъ казачьяго офицера, заявили начальству, что просятъ разрѣшенія сдѣлаться священниками съ тѣмъ, чтобы распространять христіанскую вѣру среди инородцевъ язычниковъ. Это желаніе со стороны кадетъ было настолько необычно, что показалось начальству подозрительнымъ. Молодымъ людямъ пришлось преодолѣть много препятствій прежде, чѣмъ имъ разрѣшили принять священство, о томъ же, чтобы назначить ихъ миссіонерами, не было и рѣчи. Ихъ опредѣлили сельскими священниками въ глубь Сибири, подальше отъ окраинъ, гдѣ они могли бы подъ видомъ христіанскаго ученія распространять идеи, опасныя для цѣлости государства. Отецъ Александръ попалъ въ одинъ изъ бѣдныхъ приходовъ Тобольской губерніи.

— Народъ былъ неимущій, торговаться съ нимъ за требы я не могъ, разсказывалъ онъ, а надо было жить, семью содержать, да и причетники меня одолѣвали, имъ тоже голодать не охота было. Пришлось согласиться собирать „ругу“, чего мнѣ страхъ не хотѣлось. Поѣхали мы съ причетникомъ по деревнямъ. Останавливаемся у каждаго дома. Выносятъ кто пятокъ, десятокъ яицъ, кто нѣсколько горсточекъ муки, одни кланяются, просятъ не осудить, что мало даютъ по бѣдности, другіе бранятся, чуть не гонятъ прочь. Причетникъ соскакиваетъ съ телѣжки, начинаетъ самъ браниться, упрекать, заходитъ въ избы, срамитъ хозяевъ... а я сижу себѣ въ телѣжкѣ и прямо слезами плачу... такъ мнѣ горько на душѣ, такъ горько, что и сказать нельзя... Хотѣлъ быть проповѣдникомъ, просвѣтителемъ народа, а на мѣсто того тащу съ него послѣднее.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой тяжелой жизни о. Александру удалось выхлопотать себѣ переводъ въ Тару, но здѣсь ему не дали прихода, а назначили его служить въ кладбищенской церкви и, когда мы съ нимъ познакомились, онъ жилъ главнымъ образомъ уроками въ городскомъ училищѣ и въ женской прогимназіи. Неудачно сложившаяся жизнь не озлобила его, не вызвала въ немъ чувства возмущенія, протеста. Онъ смирился и безропотно несъ свой жребій.

— Тяжело было, очень тяжело, а теперь ничего, привыкъ,— говорилъ онъ съ благодушной улыбкой.

Въ ранней молодости онъ увлекался аскетизмомъ и подавлялъ въ себѣ всякія стремленія къ „свѣтской“ жизни, къ „мірскимъ“, самымъ невиннымъ удовольствіямъ. А между тѣмъ по натурѣ онъ былъ человѣкъ жизнерадостный, съ эстетическими наклонностями, любилъ музыку, пѣніе, драматическое искусство. Подавленные, но

не убитые инстинкты давали себя чувствовать, священническая ряса подчасъ тяготила его, но еще болѣе тяготила мысль о томъ страшномъ грѣхѣ, какой онъ совершалъ, допуская въ себѣ „мірскіе“ помыслы. Онъ подробно разспрашивалъ, какъ устраиваются литературные вечера, какъ ставятся оперы, и съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ разсказы мужа и аріи, которыя онъ ему напѣвалъ, а потомъ, придя домой, до поздней ночи стоялъ на молитвѣ. Единственное общественное удовольствіе, которое онъ считалъ дозволеннымъ священнику, была карточная игра и онъ увлекался ею. Придетъ иногда къ намъ послѣ ранняго обѣда и заявляетъ:

— Ну, господа, если хотите играть, начнемъ пораньше, потому мнѣ надобно служить всенощную.—Мы разставляемъ столъ, и игра начинается,—игра по самой ничтожной ставкѣ, просто изъ любви къ искусству.

Иногда онъ приходилъ къ намъ со своими двумя дочками, ровесницами нашей племянницы. Дѣти поднимали возню, бѣготню. О. Александръ поглядитъ, поглядитъ на нихъ, да и самъ подниметъ полы рясы и примется ловить ихъ, попроситъ только запереть ставни, „чтобы не вводить въ соблазнъ прохожихъ“. Вообще, въ душѣ его было много дѣтски-наивнаго, и это дѣлало его особенно привлекательнымъ.

Труcливъ онъ былъ до чрезвычайности. Къ намъ онъ рѣшилъ придти не иначе, какъ испросивъ на то благословеніе благочиннаго, онъ боялся своей матушки-попадьи (женщины на видъ болѣзненной, но съ характеромъ), кухарки высокаго роста съ мужиковатымъ обращеніемъ, боялся кошекъ, боялся ходить одинъ по темнымъ улицамъ и, когда онъ у насъ засиживался вечерами, мужъ всегда провожалъ его до дому. У всякаго другого это показалось бы смѣшнымъ, даже непріятнымъ, но онъ такъ откровенно каялся въ своей слабости, что она становилась даже симпатичною.

Кромѣ этихъ двухъ семействъ, мы познакомились еще съ пятью, шестью обывателями, но изъ нихъ только одинъ былъ человѣкъ пріятный, съ которымъ интересно было поговорить. Это былъ докторъ. Къ сожалѣнію, намъ не часто приходилось видѣться, такъ какъ онъ былъ одинъ на округъ въ 300 верстъ и очень рѣдко бывалъ въ городѣ.

Со стороны полиціи мы не испытывали никакихъ придирокъ. По правиламъ или, можетъ быть, по обычаю всѣ поднадзорные обязаны были два раза въ недѣлю являться въ полицейское управленіе заявлять о своемъ существованіи. Для мужа, въ уваженіе, кажется, его чина (въ Тарѣ надворный совѣтникъ считался большимъ чиномъ) сдѣлано было исключеніе: его не вызывали лично въ полицію, а присылали къ намъ полицейскаго „справляться о здоровьѣ“. Впрочемъ, мнѣ удалось избавить мужа и отъ этой докуки

я сказала нашей кухаркѣ (особѣ очень общительной), что она можетъ принимать полицейскихъ на кухнѣ, отвѣчать па ихъ вопросы о нашемъ здоровьѣ и подносить имъ по рюмкѣ водки, но отнюдь не должна допускать ихъ до барина: онъ петербургскій, а въ Петербургѣ полицейскимъ не позволяютъ лѣзть безъ спроса въ комнаты. Можетъ быть, это импонировало солдатикамъ, а скорѣй, что они удовлетворялись угощеніемъ и разговоромъ любезной кухарки, во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ не выказалъ намѣренія лично удостовѣриться въ „здоровьѣ“ мужа.

Другая непріятность со стороны полиціи была существеннѣе и отъ нея мы никакъ не могли избавиться: это чтеніе писемъ, отправляемыхъ и получаемыхъ нами. Всѣ письма поднадзорныхъ (къ нимъ причислили и меня) должны были проходить черезъ руки исправника, который имѣлъ право вычеркивать въ нихъ все, что находилъ подозрительнымъ. Когда мы пріѣхали въ Тару, тамъ не было исправника, а замѣнявшій его помощникъ, нѣсколько грубоватый и простоватый, исполнялъ свои обязанности добросовѣстно, хотя безъ особеннаго усердія. Но вотъ пріѣхалъ новый исправникъ, чуть ли не изъ гвардейскихъ офицеровъ. Онъ явился къ намъ съ визитомъ, держалъ себя, какъ галантный кавалеръ, заявилъ, что презираетъ полицейскій мундиръ, либеральничалъ напропалую и затѣмъ обратился ко мнѣ съ комплиментомъ на счетъ слога моихъ писемъ, увѣряя, что читать ихъ доставляетъ ему истинное удовольствіе. Большого труда стоило мнѣ сдержаться, чтобы не отвѣтить дерзостью на это нахальство. Мужъ ограничивался чисто дѣловыми или, во всякомъ случаѣ, очень лаконичными письмами, такъ что не доставлялъ исправнику интереснаго чтенія, но за то ему приходилось очень часто выносить личныя посѣщенія и дружескія бесѣды этого либеральнаго полицейскаго.

Два обстоятельства, случившіяся въ первыя недѣли нашего пребыванія въ Тарѣ, еще больше подогрѣли любезность полиціи. Во-первыхъ, на имя мужа пришелъ изъ министерства путей сообщенія толстый пакетъ съ офиціальной бумагой, въ которой ему предлагали „по соглашенію министра путей сообщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ“ составить для журнала министерства путей сообщенія статью о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ; матеріалы для статьи прилагались тутъ же. Этотъ пакетъ, это соглашеніе двухъ министровъ произвели въ Тарѣ необыкновенный эффектъ. Многіе чиновники склонны были даже считать мужа тайнымъ ревизоромъ, нарочно подосланнымъ для ихъ уловленія *). Второе обстоятель-

---

[1]) Интересна судьба этой статьи. Николай немедленно принялся состав-
лять ее, но отослалъ въ Петербургъ уже по отъѣздѣ изъ Тары, чтобы не
быть вынужденнымъ отдавать ее на просмотръ исправнику. Нѣсколько мѣ-
сяцевъ о ней не было ни слуху, ни духу; вдругъ приходитъ письмо отъ
директора департамента министерства путей сообщенія (если не ошибаюсь,
Жемчужникова, брата поэта), въ которомъ онъ пишетъ, что статья пред-

ство какъ будто подтвердило это предположеніе. Тобольскій губернаторъ только-что ѣздилъ въ Петербургъ и вернулся оттуда весь проникнутый идеями „диктатуры сердца", которая тогда была въ полномъ расцвѣтѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей онъ, заѣхавъ въ Тару, пригласилъ къ себѣ поднадзорныхъ, былъ очень любезенъ съ ними, а мужа попросилъ къ себѣ въ кабинетъ и очень долго разговаривалъ съ нимъ, разспрашивая о томъ, какъ держитъ себя полиція относительно ссыльныхъ и не терпятъ ли они какихъ-либо придирокъ отъ нея и т. д.

Въ общемъ намъ жилось въ Тарѣ недурно. Мы слѣдовали рецепту мужа: „при всякихъ обстоятельствахъ брать отъ жизни все, что она можетъ дать хорошаго" и эксплоатировали тѣ стороны тарской жизни, которыми она отличалась отъ петербургской. Осенью мы дѣлали большія прогулки по берегу Иртыша, зимой—по ослѣпительно бѣлому снѣгу въ окрестностяхъ города. Послѣдніе годы Николаю совсѣмъ не было времени читать „безкорыстно", какъ онъ говорилъ, т. е. не съ цѣлью написать рецензію или использовать прочитанное въ какой-нибудь статьѣ, теперь онъ съ удовольствіемъ засѣлъ за книги, которыя я привезла для него изъ Петербурга; кромѣ того, онъ пользовался всякимъ случаемъ расширять свое знакомство среди мѣстныхъ обывателей. Чтобы войти въ тарское „общество", нобходимо было играть въ карты: безъ картъ обыватели не сходились другъ съ другомъ. Ни общественныя дѣла, ни научные или литературные вопросы не интересовали ихъ, всѣ ихъ разговоры сводились къ сплетнямъ или пересудамъ и кончались очень часто ссорами, такъ что карты были для нихъ единственнымъ средствомъ мирнаго общенія. Мужъ самъ не прочь былъ поиграть и охотно пошелъ на встрѣчу общимъ вкусамъ. Онъ не только принималъ приглашенія придти „повинтить", но у себя раза два-три устраивалъ собранія въ мѣстномъ вкусѣ. Въ одной комнатѣ открывались столы для игры въ винтъ, въ другой—ставились закуски и, главное, любимое сибирское кушанье пельмени: вареные и жареные. Игроки по очереди подкрѣпляли свои силы ѣдой и рюмкой домашней наливки, и такъ продолжалось цѣлый день часовъ съ 2 дня и до 12 ночи.

Несомнѣнно, карты въ значительной степени способствовали тому, что туземцы перестали остерегаться и чуждаться насъ. Видя, что и смотритель училища, и законоучитель дружатъ съ поднадзорнымъ, учителя стали забѣгать къ намъ, то взять книжку почитать, то просто побесѣдовать о томъ, о семъ. Купцы не про-

---

ставляетъ слишкомъ солидную и интересную работу, жаль похоронить ее въ министерскомъ журналѣ, который никто не читаетъ, и онъ предлагаетъ помѣстить ее лучше въ „Вѣстникѣ Европы". Николай, конечно, съ удовольствіемъ согласился на это предложеніе и щедрый гонораръ, присланный „В. Е.", оказался для насъ очень кстати.

пускали случая зазвать мужа къ себѣ въ лавку, чтобы потолковать съ нимъ и даже посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ.

Еслибы мы прожили года два, три въ Тарѣ, навѣрное, весь городъ былъ бы знакомъ съ нами и мужъ принялъ бы дѣятельное участіе въ мѣстной жизни, но наше пребываніе въ Сибири окончилось гораздо раньше, чѣмъ мы ожидали. Въ половинѣ декабря мы получили отъ родныхъ телеграмму, въ которой говорилось, что мужу разрѣшается избрать себѣ для жительства какой-нибудь городъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Петербургской, Московской и Таврической губерній, а въ январѣ пришло официальное подтвержденіе ея.

Это сильно взволновало насъ, особенно мужа. Пока мы думали, что останемся въ Тарѣ года два, три, мы относились къ этому спокойно и старались обращать какъ можно меньше вниманія на непріятныя стороны жизни въ этомъ городѣ. Но, когда открылась возможность уѣхать, всѣ эти непріятности стали казаться прямо непереносимыми: цензура писемъ, постоянное опасеніе какихъ-нибудь столкновеній съ полиціей, если не у насъ самихъ, то у нашихъ друзей поднадзорныхъ, отсутствіе того общества, къ какому мы привыкли въ Петербургѣ, почта разъ въ недѣлю, газеты, вышедшія въ прошломъ мѣсяцѣ, — все это раздражало, возмущало, отравляло жизнь. Не смотря на совѣты знакомыхъ, мы рѣшили непремѣнно выѣхать зимой, никакъ не оставаться до весны, до пароходнаго сообщенія. Сибирскіе морозы не пугали насъ: мы съ мужемъ съ удовольствіемъ гуляли въ Тарѣ при 40 градусахъ, а въ февралѣ надо было ждать болѣе мягкой погоды; лишніе расходы тоже не останавливали насъ: въ большомъ городѣ мы надѣялись найти заработокъ, который поможетъ намъ окупить путешествіе, а пока я просила брата прислать мнѣ деньги, полученныя имъ съ рождественской продажи моихъ книгъ. Мы, какъ постоянные жители Петербурга, совсѣмъ не знали остальной Россіи и всѣ города ея были довольно безразличны для насъ. Послѣ долгихъ колебаній мы, наконецъ, остановились на Казани, какъ на университетскомъ городѣ и притомъ первомъ большомъ городѣ, лежавшемъ намъ на пути. Кромѣ того, тамъ жила одна изъ старшихъ сестеръ Николая. Она была замужемъ за богатымъ казанскимъ землевладѣльцемъ и, узнавъ, что мы возвращаемся въ Россію, усиленно звала насъ къ себѣ.

Не смотря на все наше нетерпѣніе, мы могли выѣхать не раньше конца февраля: приготовленія къ путешествію, а, главное, ожиданіе денегъ изъ Петербурга задержали насъ. Для дороги мы купили себѣ огромную кошеву, въ которой могли удобно усѣсться и взять съ собой весь нашъ довольно значительный багажъ, постели, подушки, одѣяло, большія корзины съ дорожной провизіей.

Насъ тянуло скорѣй вернуться въ Европу, а между тѣмъ мы со слезами на глазахъ уѣзжали изъ Тары. Съ утра знакомые со-

брались проводить насъ и мы ясно видѣли, что это не пустая церемонія съ ихъ стороны, что нашъ отъѣздъ дѣйствительно огорчаетъ многихъ изъ нихъ. О. Александръ не скрывалъ своихъ слезъ.

— Мелькнулъ намъ лучъ свѣта,—говорилъ онъ, обнимая мужа,—и исчезаетъ, и опять остаемся мы во мракѣ!

Товарищи по ссылкѣ проводили насъ до городской черты, за которую по правиламъ не имѣли права заходить, тутъ мы еще разъ обнялись съ ними и отъ всей души сказали другъ другу „до свиданія“, конечно, въ Европѣ, а не въ Азіи.

Наше путешествіе началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Погода стояла превосходная: 20° мороза, но ни малѣйшаго вѣтра, днемъ яркое солнце, ночи свѣтлыя, лунныя. Дорога была хорошая и тройка лошадей безъ труда везла нашу огромную кошеву. Ѣхали мы, не торопясь, съ полнымъ комфортомъ: останавливались черезъ каждыя двѣ станціи пить чай, а на ночь вносили въ жарко натопленную комнату станціи свои постели и подушки, раскладывали ихъ на полу и спокойно спали до утра. Кромѣ того, у насъ и по дорогѣ нашлись знакомые. Въ первый же вечеръ мы встрѣтили тарскаго доктора, съ которымъ очень сошлись послѣднее время. Онъ ѣздилъ по дѣламъ службы въ уѣздъ и теперь спѣшилъ въ Тару проститься съ нами. Мы съ нимъ остановились на станціи и просидѣли всю ночь въ разговорахъ. На слѣдующій день засѣдатель, встрѣчавшій мужа у кого-то изъ знакомыхъ, зазвалъ насъ къ себѣ обѣдать, и наконецъ въ Ялуторовскѣ мы прожили больше сутокъ: тамъ жилъ одинъ изъ вышневолоцкихъ знакомыхъ мужа и еще нѣсколько человѣкъ ссыльныхъ, которые всѣ встрѣтили насъ съ величайшимъ радушіемъ.

Не доѣзжая Ялуторовска, мы оставили большой почтовый трактъ и поѣхали „по веревочкѣ“, на вольныхъ ямщикахъ, тѣмъ путемъ, какимъ купцы ѣздятъ на Ирбитскую ярмарку, черезъ Шадринскъ прямо въ Екатеринбургъ. Теперь уже намъ приходилось и останавливаться, и ночевать не на почтовыхъ станціяхъ, а въ домахъ тѣхъ самыхъ ямщиковъ, которые везли насъ. Эти дома вовсе не походятъ на избы нашихъ русскихъ крестьянъ; они очень часто двухъэтажные, очень прочной постройки, съ украшеніями около оконныхъ косяковъ и крыши, комнаты свѣтлыя, просторныя, съ большими окнами, съ лубочными картинками и зеркалами по стѣнамъ; чистота безукоризненная. Очень пріятное впечатлѣніе произвели на насъ сибирскіе крестьяне: они относились къ намъ привѣтливо, услужливо, но безъ малѣйшаго подобострастія, угощали насъ водкой, приглашали погрѣться у теплой печки, ласкали дѣвочку, охотно разсказывали о своихъ дѣлахъ, но не дѣлали никакихъ назойливыхъ вопросовъ относительно нашихъ.

Отъ этихъ крестьянъ мы узнали о событіи 1 марта, узнали уже числа 6 или 7, и то совершенно случайно. Мы только что располо-

жились пить чай, какъ въ комнату вошелъ нашъ ямщикъ и, обращаясь къ хозяйкѣ, спросилъ:

— Ну что, какъ вашъ Король?

— Да ничего, поправляется, — отвѣчала хозяйка, — сегодня всталъ.

— Король-то поправляется,—вставилъ свое слово хозяинъ — а вотъ царю ужь не поправиться.

— Какіе вы важные,—смѣясь, замѣтила я,—у васъ и свой король, и свой царь!

— Король-то точно нашъ мужикъ, такъ его прозываютъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—ну, а Царь, извѣстно, царь россійскій...

— Такъ что же съ Царемъ? Онъ боленъ? Вы говорите, не поправится?

— Гдѣ же тамъ поправиться, когда бомбой хватили,—совершенно спокойнымъ тономъ отвѣтилъ крестьянинъ.

Мы, конечно, закидали его нетерпѣливыми вопросами, но онъ ничего не могъ намъ объяснить: онъ зналъ только, что кто-то „выпалилъ" въ царя бомбой, и что имъ, мужикамъ, велѣно идти въ воскресенье въ церковь присягать новому царю.

Можно себѣ представить, какъ мы были взволнованы этимъ извѣстіемъ, какъ намъ хотѣлось скорѣй добраться до газетъ и узнать всѣ подробности катастрофы! А дорога, какъ на зло, испортилась, и послѣднія станціи передъ Екатеринбургомъ мы еле тащились и то уже четверкой. Въ Екатеринбургѣ насъ встрѣтилъ нашъ родственникъ А. Криль, и мы прожили у него дня три. Здѣсь мы нашли телеграммы Международнаго Агентства, такъ что могли узнать подробности катастрофы изъ офиціальнаго источника, а передъ нашимъ отъѣздомъ пришли и газеты.

Въ Перми мы опять-таки не могли не остановиться у знакомыхъ. А между тѣмъ дорога испортилась до того, что ѣхать въ кошевѣ было немыслимо; намъ пришлось оставить ее и взамѣнъ взять на прокатъ легонькую кибиточку. И то мы тащились до Казани цѣлыхъ 8 дней. Снѣгъ быстро таялъ, образовались зажоры, ямщики отказывались везти насъ поздно вечеромъ, увѣряли, что воды слишкомъ много: можно или лошадь утопить, или застрять на всю ночь въ какой-нибудь ямѣ.

Въ Казань мы пріѣхали только 22 марта. Это было начало безнадежной реакціи 80-хъ годовъ, реакціи не только правительственной, но и общественной. Мы очтановились у родственниковъ, сестра упросила насъ прожить весну у нея, съ тѣмъ, чтобы на лѣто поѣхать съ ними вмѣстѣ въ ея имѣніе. Знакомыхъ въ городѣ у насъ не было и мы поневолѣ попали въ кругъ знакомыхъ ея мужа, крупныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Это были не просто реакціонеры, но реакціонеры перепуганные и потому свирѣпые и запосчивые. Вести съ ними принципіально разговоры и не поссориться было совершенно невозможно, особенно для Николая, который хотя

сталъ гораздо спокойнѣе и терпѣливѣе, чѣмъ былъ въ молодости, но все-таки не могъ хладнокровно выносить нѣкоторыя мнѣнія. Поэтому, чтобы не огорчать сестру, которую онъ очень любилъ, онъ избѣгалъ разговоровъ на общественныя темы и даже старался уклоняться отъ лишнихъ знакомыхъ. Письма приходили изъ Петербурга безъ цензуры, но они приносили очень скудныя и нерадостныя извѣстія. Нѣкоторые наши знакомые оказались замѣшанными въ процессѣ 1 марта. Газеты мы получали не черезъ мѣсяцъ, какъ въ Тарѣ, а на пятый день, но въ одномъ изъ первыхъ №№, дошедшихъ до насъ, было сообщеніе о казни 3 апрѣля, о первой въ Россіи смертной казни русской женщины...

Ни души своихъ знакомыхъ у насъ не было въ городѣ и намъ не съ кѣмъ было подѣлиться тяжелыми впечатлѣніями, приходилось переживать ихъ вдвоемъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣла мужа унылымъ, упавшимъ духомъ, первый разъ у него явилось сомнѣніе въ близости лучшаго будущаго...

Въ маѣ мѣсяцѣ мы поѣхали въ имѣніе родныхъ. До сихъ поръ Николай никогда не жилъ лѣтомъ въ настоящей русской деревнѣ, эта жизнь заинтересовала его и нѣсколько отвлекла отъ печальныхъ мыслей, а къ половинѣ лѣта намъ готовился пріятный сюрпризъ. Оказалось, что Лесевичъ, сосланный въ Енисейскъ, тоже получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Европу и выбрать себѣ любой городъ для жительства, за исключеніемъ столицъ. Узнавъ, что мы остановились въ Казани, онъ рѣшилъ также перебраться туда и въ іюнѣ мы радостно встрѣтили старыхъ петербургскихъ друзей. Жена Лесевича съ маленькой дочкой сопровождала его въ ссылку и въ Казани мы рѣшили жить вмѣстѣ въ общей квартирѣ. Намъ удалось нанять маленькій особнячокъ; внизу помѣщались наши двѣ комнаты и большая кухня, во второмъ этажѣ общая столовая и комнаты Лесевичей. Съ осени жизнь наша наладилась гораздо пріятнѣе, чѣмъ было весной. Ее скрашивало, во-первыхъ, постоянное общеніе съ такимъ умнымъ, тонко понимающимъ и отзывчивымъ человѣкомъ, какъ Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, во-вторыхъ, у насъ стали завязываться симпатичныя знакомства среди городской интеллигенціи. Хотя Казань была большимъ университетскимъ городомъ, но ее смѣло можно было назвать мертвою: чуть ли не треть населенія составляли татары, жившіе своею обособленною жизнью, не сходясь съ русскими; земство было въ рукахъ весьма отсталыхъ помѣщиковъ, городское самоуправленіе ничѣмъ себя не проявляло, студенты только что выходили изъ періода почти поголовнаго пьянства и кутежа, которыми хвастались ихъ старшіе товарищи. Слой интеллигенціи былъ очень тонокъ, въ городѣ еле существовала небольшая газетка, театръ часто пустовалъ. Мы познакомились съ двумя, тремя профессорами, съ двумя, тремя присяжными повѣренными, съ нѣсколькими студентами, съ нѣсколькими лицами неопредѣленныхъ профессій: они

приходили то къ намъ, то къ Лесевичамъ, чаще, впрочемъ, къ обѣимъ семьямъ вмѣстѣ. Возникла мысль о созданіи газеты, предлагали или мужу, или Лесевичу взять на себя руководство ею, но ни одинъ изъ нихъ не согласился на это; дѣло представлялось имъ слишкомъ хлопотливымъ, а, главное, собственныхъ средствъ у нихъ не было; пришлось бы пользоваться деньгами, которыя предлагалъ одинъ крупный промышленникъ, а они боялись его вліянія на газету.

Обыкновенно мы съ Лесевичемъ сходились къ обѣду, часамъ къ четыремъ, а все утро проводили отдѣльно, у себя. Въ это время Николай сталъ серьезно заниматься литературой. Онъ проредактировалъ и начисто отдѣлалъ переводъ книжки „Роль общественнаго мнѣнія“, который мы съ нимъ дѣлали въ Тарѣ и по пріѣздѣ въ Казань, затѣмъ онъ задумалъ, составилъ планъ, собралъ матеріалъ для ряда статей подъ заглавіемъ „Новыя направленія въ экономической наукѣ“ и написалъ первую изъ этихъ статей, которая должна была служить какъ бы введеніемъ къ нимъ. Жизнь наша шла мирно, спокойно, какъ вдругъ покой этотъ былъ нарушенъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Разъ вечеромъ я поѣхала съ своей маленькой племянницей къ знакомымъ. Возвращаюсь домой въ девятомъ часу, смотрю, нашъ домикъ со всѣхъ сторонъ оцѣпленъ полицейскими солдатами, во всѣхъ окнахъ яркое освѣщеніе. Оказалось, въ мое отсутствіе полиція произвела обыскъ въ нашей квартирѣ и теперь поднималась къ Лесевичамъ. По правдѣ сказать, этотъ обыскъ показался намъ обиднѣе всѣхъ петербургскихъ: тамъ у насъ всегда было въ глубинѣ души сознаніе, что полиція имѣетъ нѣкоторое право относиться къ намъ, какъ къ врагамъ, но здѣсь? Мы все время жили, какъ самые благонамѣренные граждане, съ чего же это? Скоро дѣло выяснилось: Николая обыскали только за компанію, обыскъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Лесевича и вызванъ тѣмъ, что въ Москвѣ у одного арестованнаго молодого человѣка нашли его адресъ, записанный шифромъ. Это показалось не только страннымъ, но и подозрительнымъ начальству, и оно умозаключило, что зашифрованный адресъ Лесевича, навѣрно, посылается тѣмъ лицамъ, которые бѣгутъ изъ Сибири. Ничего подтверждающаго это малоосновательное подозрѣніе при обыскѣ у Лесевича не было найдено, но тѣмъ не менѣе всѣ бумаги и письма, взятыя какъ у него, такъ и у Николая были препровождены къ начальнику жандармскаго управленія Казани и онъ принялся производить дознаніе. Методъ, какимъ производилось это дознаніе, былъ настолько оригиналенъ, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Жандармскій генералъ былъ полуслѣпой старикъ, ему до полной пенсіи оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что онъ не очень строго относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ; никакихъ политическихъ дѣлъ въ то время въ Казани не возникало, ему было скучно, онъ очень

любилъ поговорить, и образованные собесѣдники, которые поневолѣ должны были выслушивать его старческую болтовню, являлись для него находкой. Каждый вечеръ должны были поочередно приходить къ нему или Николай или Лесевичъ, сами читать ему забранныя у нихъ бумаги и давать объясненія по ихъ поводу. Это чтеніе безпрестанно прерывалось замѣчаніями генерала, который кстати и некстати разсказывалъ имъ разные эпизоды изъ своей служебной дѣятельности и изъ жизни своихъ знакомыхъ. Особенное довѣріе возымѣлъ онъ почему-то къ Лесевичу. Онъ дошелъ въ своей откровенности съ нимъ до того, что сдѣлалъ ему весьма нелестную характеристику двухъ губернаторовъ Казани, бывшихъ при немъ: „разбойникъ", „мошенникъ", и показалъ ему кипу доносовъ, которые онъ безъ всякаго результата посылалъ на нихъ въ Петербургъ.

— А каковъ же будетъ тотъ губернаторъ, котораго теперь назначаютъ въ Казань?—спросилъ Лесевичъ.

— Этотъ-то? Скажу вамъ прямо, онъ хуже тѣхъ обоихъ,—не обинуясь, отвѣчалъ генералъ.

Эти вечернія собесѣдованія въ жандармскомъ управленіи, казавшіяся сначала комичными, продолжались цѣлый мѣсяцъ и въ концѣ концовъ сильно тяготили обоихъ допрашиваемыхъ, особенно Николая, который только изъ сострадания къ старости и немощи генерала терпѣливо переносилъ его болтовню.

Отзывъ его о новомъ губернаторѣ заставилъ насъ призадуматься, хорошо ли будетъ оставаться въ Казани. И мужъ, и Лесевичъ были оба подъ „тайнымъ" надзоромъ полиціи, слѣдовательно, въ значительной зависимости отъ администраціи, и недоброжелательный губернаторъ могъ прямо отравить намъ жизнь. Послѣ недолгаго колебанія мужъ рѣшилъ остаться на мѣстѣ „ждать поступковъ", а Лесевича сильно потянуло на югъ, въ его родную Малороссію, и онъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему переселиться въ Полтаву. Разрѣшеніе получилось поздней весной и намъ пришлось разстаться.

Лѣто мы опять провели у родныхъ въ деревнѣ. Тамъ Николай продолжалъ усердно заниматься своей большой литературной работой: онъ написалъ двѣ главы изъ нея о Шмоллерѣ и о Брентано и предполагалъ тотчасъ по возвращеніи въ Казань приняться за третью.

Въ концѣ августа мы всей семьей двинулись въ путь. Имѣніе родственниковъ находилось въ 25 верстахъ отъ Камы, и до парохода надобно было ѣхать на лошадяхъ. Мы размѣстились въ двухъ большихъ экипажахъ (у сестры было трое дѣтей) съ гувернанткой, съ бонной, съ любимой собачкой, съ массой узловъ и картонокъ и только что собирались выѣхать, какъ вдругъ къ крыльцу подскакалъ становой, смущенный, запыхавшійся, и объявилъ, что мужу нельзя ѣхать. При этомъ онъ показалъ бумагу

губернатора, въ которой говорилось, что Анненскому не разрѣшается жить въ Казани и онъ долженъ быть водворенъ на жительство въ то имѣніе, гдѣ провелъ лѣто. Можно себѣ представить, какъ мы были изумлены и возмущены! Когда мужу предоставляли выбрать для жительства любой городъ Европейской Россіи, исключеніе было сдѣлано только для двухъ столичныхъ и для Таврической губерній, а теперь вдругъ оказывается, что всякій губернаторъ можетъ расширять это исключеніе по своему произволу.

— Да какое же онъ имѣетъ право,—горячился зять—не спросясь у меня, поселять, кого бы то ни было, у меня въ имѣніи! Скажите ему...

Несчастный становой, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, окончательно растерялся. Ему поручаютъ что-то сказать губернатору, распоряженіе его превосходительства осуждаютъ, пожалуй, откажутся исполнить...

Николай положилъ конецъ непріятной сценѣ.

— Это, навѣрно, какое-нибудь недоразумѣніе,—сказалъ онъ—поѣзжайте всѣ спокойно въ Казань, тамъ вы все выясните, а я пока останусь здѣсь. Погода отличная, я съ удовольствіемъ поживу еще въ деревнѣ.

Надобно было видѣть, какой благодарный взглядъ бросилъ на него успокоенный становой!

По пріѣздѣ въ Казань мнѣ скоро удалось узнать, чѣмъ было вызвано странное распоряженіе вновь назначеннаго губернатора. Оказалось, что одной изъ первыхъ мѣръ, придуманныхъ имъ, было удаленіе изъ Казани всѣхъ поднадзорныхъ. Такихъ оказалось человѣкъ десять, двѣнадцать. Большинство было поляки, сосланные въ Сибирь въ 63—64 году и на возвратномъ пути изъ ссылки остановившіеся въ Казани лѣтъ 10—12 тому назадъ. У нихъ были или магазины, или мастерскія, они почти обрусѣли, обзавелись семьями и забыли о своей поднадзорности. Теперь имъ приходилось за безцѣнокъ продавать свое имущество и возвращаться на родину, съ которой они уже порвали всѣ связи.

Долго я не могла добиться свиданія съ губернаторомъ. Когда онъ, наконецъ, принялъ меня, я ему объяснила, что мужъ не высланъ въ Казанскую губернію, а добровольно выбралъ себѣ для мѣстожительства городъ Казань, и что это было сдѣлано съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ.

— Это для меня все равно, — отвѣтилъ онъ,—я поступаю по закону.

Я усумнилась въ существованіи закона, по которому можно заставить человѣка жить въ чужомъ имѣніи.

— Покажите законъ!—приказалъ губернаторъ одному изъ своихъ чиновниковъ, а самъ ушелъ изъ пріемной.

Чиновникъ что-то очень долго рылся и, наконецъ, принесъ мнѣ, не знаю какой, томъ свода законовъ и указалъ на статью, въ которой говорилось, что лица, удаленныя изъ общества по приговору своихъ односельчанъ, не имѣютъ права проживать въ губернскихъ городахъ.

Я была возмущена до глубины души.

— Но вѣдь это же нисколько не относится къ моему мужу!— вскричала я.

Чиновникъ, очевидно, и самъ замѣтилъ, что попалъ впросакъ.

— Изложите ваше дѣло письменно,—посовѣтовалъ онъ мнѣ— пришлите письмомъ на имя губернатора, а черезъ недѣлю приходите за отвѣтомъ.

Я исполнила его совѣтъ. Когда черезъ недѣлю я опять пришла къ губернатору, онъ мнѣ объявилъ:

— Я могу позволить вашему мужу жить въ Казани, но при одномъ условіи: онъ долженъ дать мнѣ подписку, что не будетъ имѣть никакихъ сношеній ни съ кѣмъ изъ поднадзорныхъ, которые могутъ жить въ городѣ.

Я напередъ была увѣрена въ томъ, какой отвѣтъ на это требованіе дастъ Николай, но все-таки поѣхала къ нему въ деревню, чтобы сообщить ему лично о результатѣ своихъ хлопотъ. Онъ былъ сильно возмущенъ и въ тотъ же день написалъ губернатору длинное письмо, въ которомъ очень обстоятельно доказывалъ, что задержаніе его въ чужомъ имѣніи было совершенно незаконнымъ и такой же незаконной является та подписка, которую отъ него требуютъ, такъ какъ никакой законъ не ограничиваетъ права административно-сосланныхъ вести знакомство, съ кѣмъ они хотятъ. „Еслибы кто-нибудь—писалъ онъ въ заключеніе—потребовалъ отъ меня подписки, что я не буду разъѣзжать на бѣломъ слонѣ по Покровской улицѣ, я ни за что не далъ бы такой подписки, хотя, конечно, никогда не садился да и не сяду на слона, но все-таки подписку счелъ бы незаконнымъ ограниченіемъ своихъ правъ“.

Послѣ этого мы ожидали, что губернаторъ назначитъ для жительства мужу одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ и захолустныхъ городовъ Казанской губерніи, и рѣшили, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ хлопотать въ министерствѣ о разрѣшеніи переѣхать въ какую-либо другую губернію. Но оказалось, что мы ошиблись. Губернаторъ разрѣшилъ мужу пріѣхать въ Казань для устройства своихъ дѣлъ и опредѣлилъ ему для жительства Свіяжскъ, маленькій городокъ, лежащій въ 25 верстахъ отъ Казани. Лѣтомъ туда можно было добираться на пароходѣ, а зимой на лошадяхъ. Съ этимъ можно было примириться, и мы не стали предпринимать никакихъ новыхъ хлопотъ, тѣмъ болѣе, что срокъ поднадзорнаго положенія мужа кончался черезъ годъ съ небольшимъ и тогда право свободнаго передвиженія возвращалось ему.

Свіяжскъ оказался очень недурненькимъ городкомъ съ двумя монастырями и пятью церквами, въ которыхъ въ праздничные дни поднимался оглушительный трезвонъ. Мы какъ-то сразу познакомились тамъ съ земскимъ врачомъ и съ секретаремъ земской управы. Оба они отнеслись къ намъ очень радушно и стали помогать намъ устроиться на новосельѣ. Это оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы воображали. Мы обошли всѣ улицы городка и нашли всего только двѣ квартиры: одинъ былъ старый запущенный помѣщичій домъ, компатъ 10, съ покосившимися полами, съ висящими клочьями обоевъ на стѣнахъ, съ пятнами сырости на потолкѣ.

— Ну, здѣсь, навѣрно, ходятъ привидѣнія, - объявилъ Николай— я здѣсь ни за что не поселюсь!

Другая квартира оказалась въ пристройкѣ къ домику какого-то мелкаго чиновника. Двѣ комнатки безъ кухни: обѣдъ бралась готовить намъ хозяйка. Пришлось за неимѣніемъ лучшаго взять ее.

Съ первыхъ же дней оказалось, что жить въ Свіяжскѣ съ ребенкомъ намъ будетъ совсѣмъ неудобно: квартира была и холодная, и сырая, пища изъ рукъ вонъ плохая. Я оставила дѣвочку въ Казани у родныхъ, а мы съ мужемъ по возможности обьуютили спальню и тотъ уголъ, гдѣ стоялъ его письменный столъ. Питались мы, главнымъ образомъ, яйцами, молокомъ и тѣми съѣстными припасами, которые я привозила изъ Казани. Ѣздить мнѣ туда приходилось часто: хотя родные очень хорошо относились къ дѣвочкѣ, но она скучала безъ меня, да и мнѣ было тоскливо не видѣть ее. Николай не могъ ѣздить туда со мной: выѣзжать изъ Свіяжска тайкомъ безъ разрѣшенія онъ ни за что не хотѣлъ, а получать разрѣшеніе—это была длинная исторія: нужно было всякій разъ подавать прошеніе черезъ исправника губернатору и ждать отъ него недѣли двѣ, три проходного листа съ подробнымъ маршрутомъ, хотя ѣзды отъ Свіяжска до Казани было всего два часа и ѣхать можно было не иначе, какъ лѣтомъ на пароходѣ, въ остальное время года на лошадяхъ по большой дорогѣ.

Устроившись кое-какъ на новомъ мѣстѣ, Николай снова принялся за прерванную литературную работу: кончилъ статью о Вагнерѣ, собралъ матеріалы и составилъ подробную программу большой статьи о Родбертусѣ.

На Рождество ему захотѣлось съѣздить въ Казань, но губернаторъ не разрѣшилъ ему этого на томъ основаніи, что на праздникахъ студенты свободны и „присутствіе Анненскаго можетъ взволновать ихъ“.

Мы поѣхали въ Казань послѣ праздниковъ. Въ это время тамъ только что закрылось очередное губерское земское собраніе, на которомъ обсуждался вопросъ о слишкомъ крупной цифрѣ продовольственнаго долга, лежащаго на нѣкоторыхъ селеніяхъ губерніи. Обычныя принудительныя мѣры взысканія не приводили ни къ

какимъ результатамъ и собраніе рѣшило, что необходимо изслѣдовать экономическое положеніе тѣхъ мѣстностей, которыя особенно задолжены. Произвести это изслѣдованіе поручено было управѣ. Это поставило ее въ затруднительное положеніе, такъ какъ изъ числа служащихъ въ ней лицъ не было никого, сколько-нибудь знакомаго съ техникой такого рода изслѣдованій. Среди нашихъ казанскихъ знакомыхъ было нѣсколько земцевъ. Разговаривая съ ними по поводу вопроса, выдвинутаго земскимъ собраніемъ, Николай развивалъ имъ свою мысль о томъ, какъ, по его мнѣнію, было бы цѣлесообразнѣе произвести требуемое изслѣдованіе. Его слова дошли до предсѣдателя управы и тотъ поспѣшилъ воспользоваться нужнымъ человѣкомъ. Онъ познакомился съ мужемъ и предложилъ ему взять на себя руководство изслѣдованіемъ. Николай не рѣшился сразу дать ему формальное согласіе. Занимаясь въ статистическомъ отдѣленіи министерства путей сообщенія, онъ пріобрѣлъ значительный навыкъ въ статистическихъ работахъ и былъ знакомъ съ трудами статистическихъ бюро, которыя уже существовали въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Но то дѣло, которое ему предлагали, имѣло свои характерныя особенности, для него нужно было создать своеобразную программу и онъ не былъ увѣренъ, что справится съ нимъ. Кромѣ того, дѣло это было большое, требовало сотрудничества многихъ лицъ, а онъ совсѣмъ не зналъ, гдѣ найти такихъ лицъ. Наконецъ, и поднадзорное положеніе немало стѣсняло его.

Между тѣмъ я сразу замѣтила, что предложеніе предсѣдателя управы представляется ему очень заманчивымъ. Работа на людяхъ и съ людьми, работа для живого дѣла, которое можетъ имѣть непосредственное вліяніе на судьбу нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, была болѣе сродни его дѣятельной, энергичной натурѣ, чѣмъ разработка теоретическихъ вопросовъ въ литературѣ. Онъ забылъ, что цѣлью его пріѣзда въ Казань было отчасти добываніе матеріаловъ для статьи о Родбертусѣ, забросилъ статью и принялся, съ одной стороны, собирать разныя общія свѣдѣнія о Казанской губерніи, съ которой былъ вовсе незнакомъ, съ другой—розыскивать молодыхъ людей, которые должны были составить кадры будущихъ статистиковъ.

Въ Казани очень мало кто зналъ, что такое статистика. Самое это слово казалось настолько страннымъ, что многіе, даже на земскихъ собраніяхъ, вмѣсто „статистикъ“ говорили „статистъ“. Молодые люди, приходившіе или по собственной инщіативѣ, или по чьей-либо рекомендаціи просить работы, обыкновенно имѣли весьма смутное представленіе о томъ, въ чемъ должна будетъ состоять эта работа.

Николаю приходилось въ нѣсколькихъ бѣглыхъ разговорахъ и знакомиться съ ними, и ознакомить ихъ съ дѣломъ, и заинтересовать ихъ этимъ дѣломъ.

Такъ какъ молодые люди приходили по одиночкѣ, то каждому надобно было давать одни и тѣ же объясненія, повторять одни и тѣ же доводы, и разговоръ зачастую переходилъ въ монологъ.

Помню, какъ между прочимъ разъ утромъ пришелъ молоденькій, необычайно застѣнчивый студентъ, только что кончившій или еще кончавшій университетъ. Онъ просидѣлъ съ мужемъ часа два и, когда, наконецъ, ушелъ, Николай съ сіяющимъ лицомъ отворилъ дверь въ мою комнату.

— Какой умный и симпатичный юноша!—сказалъ онъ.—Я очень радъ, что познакомился съ нимъ!

— Постой,—остановила я его.—Какъ же ты могъ узнать его умъ? Вѣдь все время ты одинъ говорилъ. Я и голоса его не слышала!

Николай на минуту опѣшилъ, но быстро оправился.

— Ну, да, онъ очень застѣнчивъ,—отвѣчалъ онъ—онъ въ самомъ дѣлѣ, кажется, мало говорилъ, но умъ человѣка можно узнать и по тому, какъ онъ слушаетъ, какъ онъ воспринимаетъ то, что ему говорятъ! Я увѣренъ, что онъ будетъ хорошій работникъ.

И онъ не ошибся. Этотъ молодой человѣкъ (Евгеній Александровичъ Смирновъ) сдѣлался однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ сотрудниковъ его, а впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность своими самостоятельными работами по статистикѣ.

Долго заживаться въ Казани Николаю нельзя было. Онъ заручился обѣщаніемъ трехъ, четырехъ молодыхъ людей, далъ предсѣдателю управы утвердительный отвѣтъ на его предложеніе и предоставилъ ему вести необходимые по этому поводу переговоры съ губернаторомъ, а самъ вернулся въ Свіяжскъ.

И здѣсь Родбертусъ продолжалъ лежать подъ спудомъ.

Мѣсто его заняли статистическіе труды разныхъ земствъ, офиціальныя бумаги губернской управы о степени задолженности разныхъ мѣстностей, проекты вопросныхъ листовъ, программы для собиранія свѣдѣній и т. п.

Въ половинѣ марта получено было увѣдомленіе отъ предсѣдателя управы, что губернаторъ разрѣшаетъ Анненскому руководить по порученію губернскаго земскаго собранія изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанской губерніи, но при соблюденіи слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, Анненскій не имѣетъ права отлучаться изъ города Свіяжска, во-вторыхъ, онъ не долженъ принимать личнаго участія въ работахъ на мѣстахъ.

Создавалось довольно нелѣпое положеніе. Николай считался приглашеннымъ управой на службу и не могъ имѣть личныхъ сношеній съ нею; совершенно неопытные, выбранные имъ молодые люди должны были производить мѣстныя изслѣдованія по его программѣ, какъ бы подъ его руководствомъ, а въ дѣйствительности онъ не могъ наблюдать даже за первыми шагами ихъ на этомъ

новомъ дѣлѣ и преподать имъ на мѣстѣ необходимыя практическія указанія. Я совѣтовала Николаю не соглашаться работать на такихъ условіяхъ, онъ и самъ сознавалъ всю ихъ несообразность, но дѣло уже затянуло его и онъ не могъ отказаться отъ него. Губернаторъ разрѣшилъ ему еще разъ пріѣхать недѣли на двѣ въ Казань, а затѣмъ молодые люди, приглашенные имъ (ихъ оказалось 8 человѣкъ), пріѣзжали къ намъ въ Свіяжскъ и тутъ опять должны были выслушивать цѣлыя лекціи. Къ маю мѣсяцу мужу удалось сорганизовать 5 небольшихъ экспедицій и отправить ихъ въ тѣ части губерніи, гдѣ были отдѣльныя селенія и цѣлыя волости, особенно обремененныя долгами.

Въ концѣ осени истекалъ срокъ поднадзорнаго положенія Николая. Онъ заранѣе заявилъ исправнику, что не проживетъ ни одного лишняго дня въ Свіяжскѣ и не станетъ ждать разрѣшенія губернатора для возвращенія въ Казань. Исправникъ заволновался, самъ поѣхалъ къ губернатору и привезъ мужу всѣ надлежащія бумаги наканунѣ назначеннаго срока.

Мы снова поселились въ Казани и мужъ принялся за разработку свѣдѣній, добытыхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ. Между тѣмъ въ казанскомъ земствѣ уже давно возникъ вопросъ о необходимости изслѣдованія доходности земельныхъ угодій, а также городскихъ имуществъ для правильнаго распредѣленія налоговъ. Губернская земская управа воспользовалась счастливымъ случаемъ, пославшимъ ей человѣка, знакомаго съ веденіемъ такого рода изслѣдованій, и немедленно привлекла мужа и къ этому дѣлу. Началась его статистическая страда, которая продолжалась до 1887 г въ Казани и вслѣдъ затѣмъ до 1895 г. въ Нижнемъ Новгородѣ. Спеціалисты придаютъ большое значеніе его работамъ въ этой области, но я не могла относиться къ нимъ съ сочувствіемъ: я видѣла, какъ много и физическихъ, и нравственныхъ силъ приходится ему затрачивать на нихъ, какъ этотъ напряженный, хлопотливый трудъ подтачиваетъ его здоровье.

А. Анненская.
